

Переводчик: Антония

Это означало, что в будущем она должна просто держать себя в домашнем храме и больше никогда не выходить на свидание со своим сыном.

Кси не удивилась. Он не был бы Нин Ботао, если бы не сделал это так беспощадно. Решив, она без колебаний сказала: "Хорошо".

"Так как ты можешь быть таким разумным, то, что ты сделал, списывается. Когда увидишь Шаою, скажи ему, что между ним и Шаою есть кровь. Пусть не переживает."

"Да."

Старый хозяин услышал её ответ и не оглянулся, остановившись на секунду, прежде чем снова выйти, холодно приказав: "Убей няню Ли!"

Подходили слуги и скручивали няне Ли шею. Прежде чем она успела закричать о помощи, она уже упала на землю, мертвая.

Се просто сжимал кулаки, стиснул ей зубы, ничего не сказав. Только смерть няни Ли успокоила бы Нинга Ботао даже после того, как она переехала в домашний храм.

Казалось, что она пошла в храм. Она боялась, что если бы она не сделала предложение раньше, умерла бы не только няня, но и она сама умерла бы внезапной смертью.

Старый хозяин Нин только что ушел, и Се вызвал Нин Шаою.

Она мало что объяснила о своем переезде в храм, и Нин Шаою был умным, чтобы узнать причину. В этом деле он ничего не мог поделать. Конечно, он тоже не просил многого.

Се били по кусту и много чего говорили, рассказывали, что говорил старый Нин, просили позаботиться о себе и так далее.

Но ее настоящей целью было дать ему жетон, а затем написать перед Нин Шаою записку. После того, как он прочитал ее, она проглотила бумагу и прогнала его.

Нин Шаою поняла, что в критический момент, она опасалась, что в стене есть уши.

Выйдя во двор, Нин Шаою почувствовал, что его разум обременен. Слова на записке заставили его задуматься.

Он упал не потому, что Се переезжал в храм, а потому, что его мечты были сломаны. Его долгожданный план, наконец, не смог превзойти несколько дней. Такой ненавистный...

Зачем? Зачем? Только потому, что он родился первым, он был самым любимым сыном отца? Только потому, что он был будущим хозяином и в центре внимания старейшин?

Так было с детства и так было до сих пор, когда они оба были взрослыми.

Услышав шаги спереди, он поднял глаза и увидел прогуливающегося здесь человека. За ним стояло восходящее утреннее солнце, миллионы лучей которого падали на его плечи, как золотые нити, сверкающие и ослепляющие.

Тотем на манжетах и повязке на шее сделал его несравненно благородным. Естественный воздух между его бровями, возвышающимися над миром, производил гнет, который заставлял людей подчиняться ему.

В сердце Нин Шаою росла ревность, которую было трудно удержать.

Все это должно было быть его.

Человек был именно его сводным братом, самым любимым сыном отца, новым хозяином клана Нин, талантливым молодым человеком в Тяньци.

Он также был его старшим ярким и самым большим врагом.

Да, врагом.

Законный сын, превосходный, благородный, яркий, как солнце, выходящее из гор, сияющий над всей семьей Нин. Под таким светом все были карлики.

Отец относился к нему как к сокровищу и любил его так сильно, что в самом начале его воспитали как будущего хозяина. Что бы у него ни было, оно было лучшим.

Уроки, боевые искусства, этикет, военная тактика, инь и янь. Он получил все виды образования и в юном возрасте начал работать на семью и обрел настоящую славу....

А как же он?

Как бы он ни старался, отец никогда не смотрел на него честно. Отец тоже не хвалил его и не улыбался.

Перед тем как Нин Шаоцин приблизился, Нин Шаою улыбнулся с нетерпением, и на его мрачном лице появилась улыбка с сюрпризом.

Он остановился и подождал, пока Нин Шаоцин подойдет поближе, отступив в сторону, чтобы поприветствовать его: "Как дела, брат?".

Семья Нин была супер-семья, контролировавшая финансы страны. Несмотря на то, что большой двор был не так величественен, как императорские дворцы, домов было очень много.

И Нин Шаоцин, как хозяин, переехал во двор исключительно к хозяину. Он держался в тени и имел много дел. В основном, он не оставался во дворе, так что у двоих было мало шансов встретиться.

Если бы это было год назад и братья случайно встретились, Нин Шаоцин обнял бы его с улыбкой, похлопал бы по плечу и пригласил бы пообедать вместе и немного выпить.

Но сегодня, после того, как все изменилось, в его сердце было только горе и равнодушие, без всяких следов любви.

Нин Шаоцин взглянул на Нин Шаою, не радостный и не удивленный, остановился и посмотрел вверх, руки за спиной, челюсти слегка приподняты, лицо мрачное и прохладное. Манеры мастера распространились: "Зовите меня хозяином в будущем". Наше братство уже было отрезано твоим ножом".

Хозяин суперсемьи был выдающимся, но, в конце концов, они не были императорской семьей с таким количеством правил. Братья обычно продолжали звать друг друга братом, чтобы показать свою близость.

Однако сыну наложницы больше не разрешалось называть хозяина братом.

Нин Шаою задушили слова, его улыбка застыла на лице. Это была всего лишь пощечина ему по лицу, и он был классифицирован как незаконный сын. Хотя его мать изначально была наложницей, почему он не мог назвать его братом?

Разве он не был так пьян в тот день? Как он мог так хорошо помнить удары ножом? Нин Шаою сожалел, что не ударил ножом глубже.

На посту Нин Шаокин только улыбался ему и никогда не винил его, даже если он делал что-то не так. Он даже никогда не говорил ему ничего грубого.

В тот день, после того как он избавился от ножа внутренней силой, он сжимал шею в ярости, выглядя убийственно, но он все равно остановился, когда назвал его братом.

Оглядываясь назад, Нин Шаою считал, что даже с ножевыми ранениями и всеми другими злыми поступками, пока он не упомянул ни слова, Нин Шаоцин все равно будет толкателем и все равно простит его, как дурака.

Кроме того, когда он был изгнан киллерами, он сказал: Просто возьми его, если ты так хочешь богатства и личности. Отныне мы чужие!

Нечестный и неверный человек!

Он сказал, что не вернется, но теперь он вернулся, забрал все, что принадлежало ему, и был таким претенциозным. Теперь он даже хотел сделать из него шутку среди дворян.

Чем больше он думал об этом, тем больше возмущался. Нин Шаою не мог не указать Нин Шаоцину: "Брат, ты..."

"Как ты смеешь!"

Откуда-то откуда-то выскочила черная тень и наскоро перевернулась, уцепившись за палец и скрутив вверх. С хрустящим звуком в костяшках, палец был сломан.

И тут же последовала яростная ругань: "Как ты смеешь указывать на выдающегося мастера...".

"Отступление, Нож!" Звонил голос Нин Шаоцина, и охранник в черном костюме по имени Нож отпустил палец Нин Шаою и ответил: "Да". Затем он с уважением отступил позади Нинга Шаоцина.

Когда он отодвинул болезненный палец, в глазах Нин Шаою вспыхнуло негодование. С каких это пор раб может ездить на его голове и ругать его?

Во время удара он не мог убежать, но не хотел.

Место было открытым и просторным. Если он действительно сбежал и сражался с Ножом, то в природе все изменилось. Даже если Нин Шаоцин не наказать его, старейшины, безусловно, использовать его в качестве примера, чтобы установить власть для нового хозяина.

Его не сбежать было также испытание.

Когда его палец был сломан, его хороший брат даже не моргнул. Оказалось, что он действительно больше не относился к нему как к брату, и кровопийца больше не было оружием для борьбы с ним.

Конечно, вспышка обиды в его глазах не могла ускользнуть от глаз Нинга Шаоцина.

Нин Шаоцин косоглазый и оставался спокойным тоном: "С тех пор как это первый раз, я решил простить тебя. Если будет второй раз, ты будешь страдать по правилам клана".

Нин Шаою держал сломанный палец, отбивался от боли, кланялся и говорил с крайней вежливостью: "Да, хозяин".

Так как он больше не относился к нему как к брату, не было необходимости притворяться.

Мерцая мельком, Нин Шаоцин шагнул вперед и встал прямо перед Нин Шаоцином, подарив тонкую улыбку и уставившись прямо вперед, не двигаясь вперед и не глядя на Нин Шаою.

Он просто смотрел на славное солнце, говоря голосом, который мог быть услышан только ими: "Думали ли вы об этом дне, когда вы послали первую партию людей, чтобы убить меня, когда вы послали людей в деревню Ван, когда вы устроили засаду в городе Юнци, когда вы пытались убить меня на окраине города?"

Эти слова снова пронзили Нин Шаою в жару: "Почему ты вернулся?" Он чуть не рычал.

Он слегка усмехнулся: "Это ты заставил меня возвращаться шаг за шагом".

"I..."

"Еще не поздно сожалеть".

Услышав слова, Нин Шаою не ответил. Слова напомнили ему, что он больше не может быть беспечным. Все мысли, приходящие ему в голову, его слова не показали ни капли своего негодования: "Простите, я слишком глуп, чтобы понять слова хозяина".

Улыбка заползла на губы Нин Шаоцину. Кто-то устраивал поразительный заговор, и Нин Шаою был в нем просто глупой шахматной фигурой.

У этого человека позади него были шокирующие амбиции. Серия действий была направлена не только на клан Нин, но и на всю династию Тяньци.

Он пытался воздействовать на императорскую семью и настраивать многодетные семьи друг против друга, чтобы соблазнить Нин, чтобы послать войска, для борьбы с которыми князь Чжэньнань будет занимать войска у центрального правительства... Каждый шаг казался бесцельным, но на самом деле целеустремленным и беспощадным.

Тянуть один волосок и встряхнуть всю ситуацию!

Человек спровоцировал принца-женнана на взять под контроль военную мощь императорской семьи, убил Основателя по замыслу, а затем переложил вину на императора. Он воспользовался стремлением императора ликвидировать многодетные семьи и стать единственной гегемонией, чтобы настроить императора против императора и его семей, чтобы после нарушения равновесия Тяньци он оказался окончательным победителем.

Какой смелый был человек! Надавить на императора и чжэньнаньского принца и использовать семью Нин в качестве якоря, чтобы разрушить всю династию Тяньци. Он стремился уничтожить Тяньци?!

Как этот человек?!

Он бы узнал об этом.

Возвращаясь от своих мыслей, Нин Шаоцин предупреждал: "Не веди себя как чужой пистолет и будь самодовольным". Помни, ты Нин."

Сказав это, Нин Шаоцин, не оглядываясь, прошел вперед, оставив там Нин Шаою с морозным лицом.

Через некоторое время боль в пальце разбудила его, и он также решительно ушел.

<http://tl.rulate.ru/book/14777/1034763>